

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Е.

11.12.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Ибряновой Г.А., Конины Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Морозова М.А. Пашинского М.Л., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Семеняко М.Е. (участвовали очно), и Передрука А.Д. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 11.12.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Е. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 27.06.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Е. послужила жалоба Р.Н.В., поступившая в АП СПб 17.06.2025, а в Квалификационную комиссию АП СПб (далее также – Квалифкомиссия, комиссия) – 08.07.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 04.09.2025 адвокатом Е. допущено нарушение взаимосвязанных требований:

- п.п.1 п.1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изменениями, далее – Закон об адвокатуре) : *«Адвокат обязан: честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»;*
- п.6 ст. 25 Закона об адвокатуре: *«Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением».*
- п. 1 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом»;*
- п. 4 ст. 13 КПЭА: *«Адвокат-защитник обязан обжаловать приговор:*
1) по просьбе подзащитного;

2) если суд не разделит позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный;

3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату».

- п. 16 Стандарта уголовной защиты: «Защитник обжалует в апелляционном порядке приговор суда при наличии к тому оснований, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора и защитник убежден в отсутствии самооговора».

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства извещены о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 11.12.2025 надлежащим образом.

Заявитель Р.Н.В. на заседание явилась, выразила несогласие с заключением Квалифкомиссии в части отсутствия нарушения адвокатом обязанности по внесению гонорара в кассу, в остальной части согласилась с ее выводами, ответила на вопросы членов Совета. Пояснила, что соглашений об оказании юридической помощи, а также заявления об отказе от обжалования приговора она не подписывала.

Адвокат Е. на заседание явился, выразил несогласие с заключением Квалифкомиссии в части нарушения обязанности по обжалованию приговора суда, в остальной части согласился с ее выводами, ответил на вопросы членов Совета. В частности, сообщил, что соглашения он своевременно регистрировал в документации адвокатского образования, гонорар от доверителя не получил ни по одному из соглашений, денежные средства на компенсацию расходов через кассу адвокатского образования не провел, поскольку это было неудобно, так как он живет далеко - в городе Луга, заявление от доверителя об отказе в обжаловании приговора получил, но потерял, а впоследствии ему этот документ передали.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав стороны, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

05.07.2024 следственным отделом ОМВД России по Псковскому району Псковской области в отношении Р.Н.В. возбуждено уголовное дело № по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Для защиты своих прав и получения юридической помощи Р.Н.В. в конце октября 2024 г. обратилась к адвокату Е.

1. Квалификационная комиссия, давая оценку доводам Р.Н.В. об отсутствии письменных соглашений с адвокатом Е., исходила из того, что адвокат представил в заседании комиссии тексты двух соглашений на защиту интересов Р.Н.В. по уголовному делу на предварительном следствии и в суде.

Квалификационная комиссия учла содержание ответа на запрос, полученный из МКА «Санкт-Петербург» о том, что в коллегии были дистанционно зарегистрированы два соглашения между Р.Н.В. и адвокатом Е.

К доводам Р.Н.В. о том, что на листах соглашений имеется подпись, которая ей не принадлежит, Квалификационная комиссия отнеслась критически, поскольку члены комиссии не являются специалистами-почерковедами и не уполномочены нормами законодательства на проведение исследований принадлежности почерка тому или иному гражданину, но комиссия принимает во внимание также и то, что в тексте жалобы Р.Н.В. сама неоднократно указывает на наличие соглашений с адвокатом и на некоторые конкретные условия этих соглашений. Таким образом, совокупность всех установленных обстоятельств позволила Квалификационной комиссии прийти к выводу, что соглашения между Р.Н.В. и адвокатом Е. были заключены и зарегистрированы в адвокатском образовании.

Квалификационная комиссия исходила из того, что при рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Р.Н.В. не опровергла доводы адвоката Е. и сведения, предоставленные МКА «Санкт-Петербург» о регистрации соглашений в коллегии адвокатов.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, что по данным доводам презумпция добросовестности адвоката не опровергнута, а в действиях адвоката Е. не имеется тех нарушений, о которых указано в данной части жалобы, то есть адвокат не нарушил положения п. 2 ст. 25 Закона об адвокатуре, в соответствии с которыми соглашение между адвокатом и доверителем представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме, на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

2. По доводам о передаче Р.Н.В. адвокату наличными денежными средствами в размере 200 000 [рублей] в качестве вознаграждения за работу комиссия исходила из того, что адвокат Е. отрицает данный факт. Каких-либо доказательств, опровергающих добросовестность адвоката в данной части Р.Н.В. не представлено, ее слова о передаче наличных денег адвокату ничем не подтверждены, что позволило Квалификационной комиссии прийти к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката в данной части не опровергнута и в данной части в действиях адвоката отсутствуют нарушения законодательства об адвокатуре.

Факт получения адвокатом на банковскую карту денежных средств от Р.Н.В. в размере 5000 рублей за каждую поездку адвоката во Псков для участия в следственных действиях и судебных заседаниях подтверждают как Р.Н.В., так и адвокат Е. При этом адвокат Е. признает, что указанные денежные средства он не вносил в кассу адвокатского образования, соответственно, каких-либо квитанций о внесении денежных средств в кассу коллегии Р.Н.В. не предоставлял. Квалификационная комиссия не нашла убедительными доводы адвоката о том, что Р.Н.В. не настаивала на обязательном внесении этих денег в кассу коллегии ввиду небольшой суммы компенсации командировочных расходов.

В соответствии с положениями п.п.1 п.1 ст. 7 Закона об адвокатуре адвокат

обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан: честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

В соответствии с п.6 ст. 25 Закона об адвокатуре вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, что по данным доводам презумпция добросовестности адвоката опровергнута, а тем, что адвокат не внес в кассу адвокатского образования денежные средства, полученные от доверителя по соглашению, он нарушил п.п.1 п.1 ст. 7, п.6 ст. 25 Закона об адвокатуре, п.1.ст. 8 КПЭА.

3. По доводам жалобы о том, что после вынесения судом приговора в отношении Р.Н.В. 25.02.2025 адвокат Е. апелляционную жалобу не подготовил и не направил ее в суд, а в результате бездействия адвоката Е. срок для подачи апелляционной жалобы был пропущен, и осужденная утратила право на судебную защиту в суде второй инстанции, Квалификационная комиссия исходила из того, что в соответствии с п. 4 ст. 13 КПЭА адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам. Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату.

Не отстаивая и не защищая интересы доверителя в апелляционной инстанции, адвокат, по мнению заявителя, получил «немалые» денежные средства за фактически не выполненную работу.

Р.Н.В. считает, что ситуация сложилась данным образом только из-за халатного отношения адвоката Е. к исполнению своих обязательств по соглашению и соблюдению требований Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Таким своим отношением адвокат Е. опорочил честь и достоинство адвоката, умалил авторитет адвокатуры, совершил неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также допустил неисполнение решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Р.Н.В. отрицает факт написания ею заявления об отказе от обжалования приговора.

Адвокат Е. настаивал на том, что у него имеется письменный отказ Р.Н.В. от обжалования приговора.

При оценке позиций сторон Квалификационная комиссия исходила из следующих фактических обстоятельств:

Адвокат Е. не приложил к своему объяснению копию заявления Р.Н.В. об отказе

от апелляционного обжалования и до заседания Квалификационной комиссии 04.09.2025 в материалах дисциплинарного дела указанная копия отсутствовала до начала рассмотрения дисциплинарного дела.

В заседании Квалификационной комиссии Р.Н.В. сообщила, что судьи Псковского областного суда на заседании апелляционной инстанции запрашивали у адвоката Е. заявление Р.Н.В. о ее отказе от апелляционного обжалования, но адвокат не смог представить такое заявление и сообщил, что потерял его.

В заседании Квалификационной комиссии адвокат Е. подтвердил, что на вопрос судей Псковского областного суда о предоставлении текста заявления Р.Н.В. о ее отказе от апелляционного обжалования он сообщил суду, что предоставить данное заявление суду не может в связи с его утратой.

После этого адвокат Е. попросил комиссию объявить перерыв на 5 минут и вышел из зала, где проходило заседание комиссии, а по возвращении предъявил комиссии листок бумаги с напечатанным текстом заявления от имени Р.Н.В. об отказе от апелляционного обжалования приговора суда с подписью от имени Р.Н.В. Откуда адвокат Е. получил это заявление в перерыве заседания, адвокат пояснить не смог.

Р.Н.В. при предъявлении ей данного заявления утверждала, что подпись, выполненная от ее имени, ей не принадлежит, это не ее почерк.

Члены Квалификационной комиссии не являются специалистами-почерковедами и не уполномочены нормами законодательства на проведении исследований принадлежности почерка тому или иному гражданину, поэтому не могут однозначно оценить принадлежность подписи на заявлении именно Р.Н.В. Квалификационная комиссия решила приобщить это заявление к материалам дисциплинарного производства для последующей оценки в совокупности со всеми иными доказательствами.

Комиссия учла, что ранее адвокат Е. во Псковском областном суде не смог предъявить суду заявление об отказе Р.Н.В. от апелляционного обжалования приговора, сославшись на его утрату. При этом ни самой Р.Н.В., ни в коллегии адвокатов адвокат Е. не сообщал об утрате юридически важного документа и о том, что данный документ он впоследствии нашел. Пояснить, по какой причине адвокат не приобщил это заявление к своим объяснениям по жалобе и не предоставил его в Квалификационную комиссию заблаговременно, адвокат не смог.

Учитывая также тот факт, что адвокат Е. не смог объяснить членам комиссии, откуда он взял заявление именно во время перерыва в заседании Квалификационной комиссии, и в совокупности с остальными изложенными фактами Квалификационная комиссия пришла к выводу, что факт написания Р.Н.В. заявления об отказе от апелляционного обжалования приговора вызывает обоснованные сомнения, а, следовательно, презумпция добросовестности адвоката в данной части опровергнута доводами заявителя, и в действиях адвоката имеются нарушения положений п.п.1 п.1 ст.7 Закона об адвокатуре, п.1 ст.8, п.4 ст. 13 КПЭА, п. 16 Стандарта уголовной защиты.

4. По доводам жалобы о том, что адвокат нарушил положения п.4 ст.10 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя, взяв с доверителя немалые денежные средства за якобы проделанную работу, Квалификационная комиссия исходила из того, что заявитель не представил в материалы дисциплинарного дела каких-либо доказательств наличия именно долговых отношений между адвокатом Е. и доверителем.

Адвокат Е. не подтвердил наличия каких-либо долговых отношений между ним и Р.Н.В. В материалах отсутствуют договоры займа, расписки и тому подобные документы.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, что заключение соглашения между адвокатом и доверителем на оказание юридической помощи не может расцениваться как заключение договора займа.

Квалификационная комиссия исходила из того, что при рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований. В данной части добросовестность адвоката Е. не опровергнута доводами жалобы.

Совет АП СПб полагает, что Квалификационная комиссия справедливо не согласившись с доводами жалобы о том, что адвокат не заключил соглашение с доверителем в письменной форме, не выдал доверителю квитанций за денежные средства в сумме 200000 рублей, полученные им в качестве гонорара, поставил себя в долговую зависимость от доверителя, пришла к правильному выводу об отсутствии нарушений закона и КПЭА со стороны адвоката.

Также Совет АП СПб соглашается с выводом Квалификационной комиссии о наличии в действиях адвоката Е. нарушения, выразившегося в том, что он не внес в кассу адвокатского образования денежные средства (в сумме 5000 рублей за поездку), полученные от доверителя в целях компенсации расходов.

Таким образом, выводы Квалификационной комиссии по доводам № 1, 2 и 4 жалобы являются обоснованными фактическими обстоятельствами дела и полностью соответствующими закону.

Вместе с тем Совет АП СПб приходит к выводу, что при оценке обстоятельств, связанных с нарушением обязанности защитника обжаловать приговор суда (довод № 3 жалобы), Квалификационной комиссией допущена ошибка в применении норм права.

Согласно положениям ст. 389.1 УПК РФ право апелляционного обжалования принадлежит, в том числе, осужденному и защитнику. В свою очередь, КПЭА в п. 4 ст. 13 устанавливает условия, при наличии которых адвокат-защитник не только вправе, но и обязан обжаловать приговор, а именно: по просьбе подзащитного (пп. 1); если суд не разделит позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный (пп. 2); при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам (пп. 3).

В п. 16 Стандарта уголовной защиты указывается, что защитник обжалует в апелляционном порядке приговор суда при наличии к тому оснований, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора и защитник убежден в отсутствии самооговора.

Оценивая фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия уделила внимание исключительно вопросу о наличии и происхождении представленного адвокатом Е. письменного отказа доверителя от обжалования, но при этом не установила ни одного из предусмотренных КПЭА условий, при наличии которых обжалование приговора становится обязанностью адвоката.

В частности, Квалифкомиссия не установила, имела ли место просьба осужденной на обжалование приговора. Более того, приходя к выводу о наличии вины адвоката в нарушении положений п. 4 ст. 13 КПЭА, Квалифкомиссия не указала, каким подпунктом данного пункта она руководствуется, то есть в чем именно заключается несоответствие действий адвоката Е. нормам КПЭА.

Совет АП СПб отмечает, что, сведений о наступлении любого из условий, предусмотренных пп. 1-3 п. 4 ст. 13 КПЭА в ходе дисциплинарного разбирательства получено не было; доказательства, подтверждающие указанные обстоятельства, в заключении Квалифкомиссии не указаны, самой же Р.Н.В. какого-либо подтверждения нарушения адвокатом данной обязанности в жалобе не приведено. При таких обстоятельствах рассматриваемый Квалифкомиссией вопрос о наличии или отсутствии заявления об отказе осужденной от обжалования приговора суда не имеет правового значения. Вывод Квалифкомиссии о наличии обязанности защитника обжаловать приговор суда не основан на установленных обстоятельствах.

В соответствии с этим Совет АП СПб полагает, что презумпция добросовестности адвоката в части инкриминируемого ему нарушения – обязанности обжаловать приговор суда (довод № 3 жалобы) не опровергнута.

При изложенных обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией приходит к выводу, что адвокат Е. не внес в кассу адвокатского образования денежные средства, полученные от доверителя в целях компенсации расходов (в сумме 5000 рублей за поездку), считает в этой части презумпцию добросовестности адвоката Е. опровергнутой доводами заявителя и материалами дисциплинарного производства, а его вину в ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей – установленной.

Таким образом, адвокатом Е. допущены нарушения взаимосвязанных положений п.1 ст.8 КПЭА и п.6 ст. 25 Закона об адвокатуре. При этом дополнительная квалификация данного нарушения, приведенная в заключении Квалифкомиссии – по п.п.1 п.1 ст. 7 Закона об адвокатуре, является нерелевантной, представляет собой, по мнению Совета АП СПб, явную техническую ошибку.

Таким образом, Совет АП СПб исключает из квалификации допущенного адвокатом Е. нарушения ссылки на п.п.1 п.1 ст. 7 Закона об адвокатуре, п. 4 ст. 13 КПЭА и п. 16 Стандарта уголовной защиты.

Как предусмотрено п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА меру дисциплинарной

ответственности адвокату Е. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает, что это нарушение совершено им умышленно, но не признаёт допущенное нарушение тяжким, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий не имеется.

Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Е. действующих дисциплинарных взысканий.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату Е. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Е. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения требований

пункта 1 статьи 8 КПЭА, пункта 6 статьи 25 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.